те места „Слова“, которые особенно привлекали внимание переписчиков и сохранились в „Молении“ и переделках „Слова“ и „Моления“, особенно поучение о злых женах. Не проще ли предполагать, что этих мест не было в первоначальном оригинале произведения Даниила Заточеника.

Характерно также последовательное отсутствие в „Написании“ замечаний о боярах и княжеских тиунах (20—21, 25), о вельможах, обижающих сирот, и др. Слово „боярин“ даже не упоминается в „Написании“, где автор непосредственно обращается к князю.

Предположение о том, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“, опровергается и существованием ряда важных отличий в нем от текстов „Слова“. Эти отличия имеют тем большее значение, что они относятся как раз к тем местам „Слова“, которые имеют датирующее значение. Таков знаменитый каламбур „Слова“: „Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое, кому Бело-озеро, а мне черней смолы, кому Лаче-озеро, а мне на нем седя плачь горкий, и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали“ (8). В „Написании“ здесь сказано кратко: „Кого бог милует, а мне горе лютое“. Северное происхождение списка „Написания“ никак не объясняет, почему было сделано сокращение каламбура. Вернее думать обратное: была расширена первоначальная тема о том, кого бог милует, а кому горе лютое.

Обращение в „Написании“ сделано к сыну великого князя Владимира, тогда как в других списках, за исключением списка Никольского, — к сыну великого царя Владимира, что заставило некоторых исследователей считать адресатом „Слова“ Юрия Долгорукого как сына Владимира Мономаха, которого будто бы только и можно было называть на Руси царем, что, впрочем, неверно.

Отдельные варианты „Написания“ также не говорят в пользу предположения о его заимствовании из „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „И начнем бити в сребреныя органы и возопием от премудрости: «боже, боже мой, вскую мя еси оставил»“.

В „Слове“ здесь читаем витиеватую и не вполне ясную фразу: „И начнем бити в сребреные арганы возвитие мудрости своеа“. Мало понятное „возвитие“ заменено в других списках: „и возвеем“, „возвестия“ и „возвиде“ (4).

Вместо слов: „яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст львов“ (12) в „Написании“ читаем более понятное: „аки птицу от тенята или яко овцу от волков“.

Подробный анализ всех отличий „Написания“ от „Слова“ не входит в нашу задачу, но и беглый обзор этих отличий не позволяет предположить, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“.

В „Написании“ находим такие варианты (в скобках указаны варианты „Слова“ и страницы по изданию Зарубина): „быстрина“ („быстрость“, 5), „понудихся“ („покушахся“, 5), „похваления“ („похуления“, 5), „неплодная“ („проклятая“, 5), „гордаго“ (в „Слове“ нет, 6), „оплотом“ („плодом“, но в Толстовском списке тоже — „оплотом“, 7), „своего“ (в „Слове“ нет, 8), „при славе“ (в „Слове“ нет, 9), „глагол“ („глас“, 14), „сладость“ („мед“, 14) и пр.

Имеются и другие отступления самостоятельного значения от текста „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „да буди рука твоя распростерта“; в „Слове“: „да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена“ (15—16).